

О. В. Сеницына

История и православно-христианские основания педагогической деятельности А. А. Штевен-Ершовой (1885–1895 годы)

Деятельность А. А. Штевен по устройению школ грамоты в конце XIX в. была известна по всей России. Ее педагогическая система носила самобытный характер и развивалась автономно относительно официальной системы образования, что позволило найти новые подходы, принципы и формы образовательно-воспитательной деятельности, представляющие интерес и для современной христианской педагогики. В статье описаны три этапа педагогической деятельности А. А. Штевен, устройство школ грамоты, представлены православно-христианские принципы ее педагогической системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: православно-христианское воспитание детей, христианская педагогика, школы грамоты, начальное образование, просвещение, Александра Алексеевна Штевен-Ершова.

Во второй половине XIX в. основным местом просвещения русского народа была начальная школа. Сегодня для нас особый интерес представляет деятельность тех педагогов, которые стремились не только научить крестьянских детей грамоте, привить им начатки европейского просвещения, но ставили перед собой задачи православно-христианского воспитания и образования.

Одним из таких педагогов, поставившим в центр своей деятельности христианское воспитание и образование детей, была Александра Алексеевна Штевен-Ершова¹ (05.12.1865–29.10.1933), она занималась устройением школ грамоты² в Нижегородской губернии России в 1885–1895 годах.

1. В 1896 г. А. А. Штевен вышла замуж за земского деятеля М. Д. Ершова. Ершов Михаил Дмитриевич (17.02.1862–11.01.1919) — помещик, владелец родовых имений в Тульской губернии, общественный деятель. Осенью 1915 г. М. Д. Ершов получил назначение на пост воронежского губернатора.

2. Школы грамоты, к которым относились школы А. А. Штевен, можно причислить к разряду начальных элементарных крестьянских школ, открывавшихся в Российской империи до конца XIX в. в порядке частной инициативы. Как отмечают исследователи народного образования, «за недостатком официальных школ грамотность

А. А. Штевен-Ершова. 1896 г.

Александра Алексеевна унаследовала от своего отца Алексея Христиановича Штевена³ чувство сострадания к народу и любовь к России [Штевен. *Мои воспоминания*, 59], из трудов русских мыслителей и общественных деятелей того времени — А. И. Кошелева, И. С. Аксакова, Вл. Соловьева — восприняла идею народного служения и просвещения как свое призвание [Штевен. *Мои воспоминания*, 130]. Характерной чертой, отличающей ее систему от педагогической деятельности других представителей русской интеллигенции, являлась опора на христианские принципы воспитания и образования. Педагогические взгляды А. А. Штевен оказались близки к идеям лучших русских педагогов конца XIX в. Так, например, К. Д. Ушинский считал, что начальное народное воспитание должно опираться на «знание оснований своей

распространялась в народе путем домашнего обучения (в школах грамоты)» [Рубакин, 712].

3. Штевен А. Х. (1824–1876) был из знатного норвежского рода, родился в Петербурге, окончил полный курс наук в Императорском Александровском лицее, служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии помощником старшего чиновника, был горячим сторонником

освободительной реформы Александра II. В 1861 г. оставил государственную службу, продал имение, которым владел под Петербургом, и переселился в Нижегородскую губернию, в Арзамасский уезд, в село Смирново, чтобы на деле способствовать проведению в жизнь великой реформы [Штевен. *Мои воспоминания*, 60].

религии и знание родины» [*Ушинский*]. Он писал, что «нехристианская педагогика есть вещь немыслимая — безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди»⁴.

Принципиально важно включать в границы церковной истории явления из сферы православно-христианского образования, которые традиционно рассматриваются только в рамках истории педагогики⁵. Процесс духовного образования, являющийся неотъемлемой частью истории церкви, должен быть рассмотрен не только институционально, с точки зрения принадлежности тех или иных учебных заведений к официальным церковным структурам, но и с позиции решения задач созидания реального церковного сообщества. Исходя из этого, инициативы А. А. Штевен (как и С. А. Рачинского⁶, и Н. Н. Неплюева⁷) представляют несомненную ценность и являются неотъемлемой частью истории церкви.

В развитии педагогической деятельности А. А. Штевен можно выделить три этапа. Первый — с 1885 по 1889 г. — создание, становление и развитие домашней школы грамоты. В этот период шло личное возрастание Александры Алексеевны в христианской вере, становление авторской христианской педагогической системы, выявление ее принципов и особенностей.

Начинает она с того, что в 1885 г. собирает крестьянских детей и учит их, «где придется: в саду под липками, и на крыльце нового дома, и даже под крыльцом — когда шел дождь» [*Штевен. Из записок, 164*]. Позже ее семья выделяет для занятий с ребятами флигель, который становится для нее и ребят «классной» комнатой, «училищем». Первых учеников было 15 человек, через год к апрелю 1886 г. учеников уже 38 — от 7 до 16 лет, в основном мальчики.

4. Цит. по: [*Каптерев, 558*].

5. О школах А. А. Штевен упоминают некоторые дореволюционные исследователи истории русской педагогики. Так, например, П. Ф. Каптерев в своей монографии «История русской педагогики» в главе, посвященной национальной русской (элементарной) школе и, в частности, школам Рачинского, ссылается на наблюдения А. А. Штевен, связанные с морально-нравственными проблемами, существовавшими в среде крестьянства [*Каптерев, 604*].

Исследователь пореформенной системы народного образования в России Н. В. Чехов, перечисляя народные школы, возникшие по инициативе образованных людей, в пример приводит школы А. А. Штевен. [*Чехов, 37*].

6. Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — российский ученый, ботаник, математик, педагог, просветитель, профессор Московского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Строитель и учитель первой в России сельской школы с общежитием для крестьянских детей.

7. Неплюев Николай Николаевич — помещик, потомственный аристократ. В своем имении в хуторе Воздвиженске Глуховского уезда Черниговской губернии в 1885 г. открыл первую Воздвиженскую школу для крестьян. В 1889 г. основал Крестовоздвиженское православное трудовое братство, в которое вошли первые выпускники школы.

По составу предметов учебный курс в школе грамоты Александры Алексеевны не отличался от курса всех остальных начальных народных школ того времени⁸, но имел свои особенности. Преподавание всех немногочисленных предметов было согласовано с первоочередными задачами — дать ребятам «знание православной веры и поднять национальное чувство» [*Штевен. Мои воспоминания, 195*].

Штевен вводит в программу чтение Евангелия, что было не характерно для церковно-приходской школы (далее — ЦПШ) того времени. В программу Закона Божия ЦПШ от 1884 г. входило изучение молитв, Священная история Ветхого и Нового Завета, объяснение богослужения и краткий катехизис [*Пругавин, 370*]. В 1890-х годах в письме к свящ. Михаилу Хитрову⁹ свящ. Иосиф Фудель утверждал, что «настала пора отрешиться от мысли о непогрешимости программы церковно-приходской школы. Мальчик, вышедший из школы до окончания ее, ничего не знает о Лице Иисуса Христа и учении Его, так как запрещается говорить об этом, пока не прошли Ветхого Завета» [*Фудель, 34*]. Программа Закона Божия была очень объемна и рассчитана на три года, а учебный год крестьянского ученика обычно не превышал 5–6 месяцев.

Ежедневно Александра Алексеевна со старшими учениками читала по одной главе из Евангелия по-славянски, потом ребята ее же читали по-русски и пересказывали, а затем она давала подробное объяснение прочитанного. Описывая свой опыт, А. А. Штевен призывала не смущаться, что восприятие тех или иных евангельских истин может быть «сперва детски-ограниченным», понимание читаемого будет происходить «не вдруг, а постепенно и последовательно» и при правильном руководстве «будет возрастать и развиваться вместе с возрастом и общим развитием учащихся» [*Штевен. Из записок, 393*].

Ребята получали нужное им духовное назидание и знакомились «с первыми живыми примерами подвижничества и человеколюбия» [*Штевен. Из записок, 325*], им становился «знаком и дорог

8. По Положению 1874 г. предметами учебного курса начальных народных училищ являлись: «а) закон Божий (краткий катехизис и священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) первые четыре действия арифметики; д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно» [*Григорьев, 480*].

9. Хитров Михаил Иванович, прот. (1851–1899) — русский православный церковный писатель. В 1876 г. окончил ист.-фил. факультет Московского университета. Преподавал всеобщую и отечественную историю и русский язык в московских учебных заведениях. Был помощником председателя Училищного совета при Св. синоде. Получил степень кандидата богословия и принял сан священника в 1895 г.

образ Христа» [Штевен. Из записок, 325]. Таким образом, Александра Алексеевна «по велению сердца» [Штевен. О преподавании, 393], исходя из опыта своей веры и любви к Христу, нарушала сложившуюся типичную ситуацию изучения Закона Божия по катехизису, в отрыве от основной книги христианской веры¹⁰. Она хотела, чтобы русский народ знал Евангелие, и в этом своем стремлении совпадала с направлением, развивающимся в те годы в среде земских педагогов, где было немало верующих и образованных людей¹¹.

Вторая часть задачи — привить ребятам любовь к своему отечеству — реализовывалась через выбор материала для чтения. Александра Алексеевна сама составляла рассказы о важнейших моментах истории России, читала ученикам отрывки из различных исторических книг¹².

В начале своего учительства А. А. Штевен почти не задавалась определенными педагогическими целями, она полюбила беседы об истории за то, что они вызывали интерес, создавали определенное настроение и чувства у ребят [Штевен. Из записок, 323]: они «печалились и радовались», «с волнением разбирали поступки и характеры всех влиявших на судьбы народа исторических лиц» [Штевен. Из записок, 323]. Из этих уроков ребята «узнавали, что кроме их самих, их семей и окружающего существует громадное целое, называемое Россией», и сильно «заинтересовались судьбами народа, к которому учились причислять и себя» [Штевен.

10. Вспоминая о полученном в Санкт-Петербургской духовной академии образовании, свящ. Иоанн Егоров отмечал его недостаточность в чрезвычайно важной области Священного писания: «Например, в 1896–1898 гг. студенты по Священному Писанию Ветхого Завета послушали толкование двух глав книги Иова, а по Священному Писанию Нового Завета — 5 и 6 главы послания ап. Павла к Галатам. А в конечном результате — каждый мужичок-сектант лучше знает Евангелие, чем окончивший духовную академию, если только он самостоятельно не изучал Священное Писание» [Егоров, 14].

11. В земских школах в это время появляется тенденция к чтению Евангелия. Так, например, в 1880-х гг. на учительском съезде, проходившем под руководством барона Корфа и собравшем 250 учителей и учительниц из семи южных губерний России, было принято единогласное постановление «усилить чтение Евангелия с учителем в школе» в форме дополнительных уроков. Барон Корф

считал, что преподавание религии прежде всего «должно согреть душу ребенка, возбудить в нем добрые инстинкты, облагородить его примером самого Спасителя, возбудить в нем любовь к Евангелию, к Христу и к учению Его» [Корф, 343].

12. По Положению о двухклассных и одноклассных училищах Министерства народного просвещения (далее — МНП) уроки истории и географии преподавались только в образцовых двухклассных школах [Фальборк. Чарнолуцкий]. В земских же школах учителя по собственному усмотрению выбирали книги для расширения кругозора детей по предметам, которых не было в программе: естествознанию, географии и истории. Только в 1897 г. МНП утвердило примерную программу начальной народной школы, которая рекомендовала давать детям начальные сведения по истории, географии, естествознанию, не выделяя их при этом в отдельный предмет, не вводя отдельных учебников, а используя книги и брошюры, одобренные для низших училищ [Петерсон, 56].

Из записок, 323], и начинали с особенной «осторожной нежностью и особенным уважением произносить слова “Россия” или “русская земля”» [Штевен. Из записок, 323].

В основу педагогической деятельности Александры Алексеевны легло стремление привить ученикам христианское, честное и сознательное отношение к своему народу, стране, к происходящим событиям, к современному состоянию России. И это было не поводом для критики своей родины, а основанием для подлинного и глубокого патриотизма.

История отечества для А. А. Штевен была также неотделима от истории церкви и жизни «всех подвижников и тружеников», во всех делах и переживаниях которых «сияет перед нами свет Христовой веры и подаются назидательные примеры» [Штевен. О преподавании, 396].

Таким образом, она вводит в учебную программу своей школы уроки истории отечества и церкви. Главная цель — с помощью полученных исторических знаний «выработать, обосновать, закрепить и защитить от возражений и нападок определенное, твердое православно-христианское мировоззрение» [Штевен. О преподавании, 394]. Причину народного неверия и отрицания, легкомыслия и безразличия она видела в невежестве и недомыслии, в недостаточном знакомстве «с основами нашей веры, с ее историей, с ее речью, значением и влиянием в общей истории и современной жизни» [Штевен. О преподавании, 394]. Александра Алексеевна считала, что «преподавание истории поставлено у нас совершенно ложно, как по выбору материала, так и по освещению его» [Штевен. О преподавании, 395], не учитывается отличие нашего национального положения, наших потребностей, то, что именно в этой области требуется коренное преобразование¹³.

Среди других особенностей организации учебно-воспитательного процесса в школах грамоты было использование на уроках не учебников, а живого и вдохновенного слова в форме бесед и рассказов; личностный характер общения учителя с учениками и личный пример во всем; единство христианского образования и воспитания, в основе которого лежали этические требования:

13. Например, К. Д. Ушинский считал, что отличие западного воспитания от российского состоит в том, что «человек западный, не только образованный, но даже полуобразованный, всегда всего более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, гео-

графией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т. д.», в отличие от русского человека, который как раз «всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится» [Ушинский].

не пей, не лги, не воруй и не сквернословь, а также единство жизни школы с церковной жизнью.

Александра Алексеевна не боялась прерывать уроки арифметики или грамматики длинными беседами со старшими учениками «по поводу только прочитанной главы из Евангелия или эпизода из любимой нами русской истории, или какого-нибудь явления местной жизни» [*Штевен. Из записок, 248*]. Она замечала, что всякий разговор с ребятами «о подвигах, о преданности вере и отечеству, о самопожертвовании и презрении к смерти» [*Штевен. Из записок, 248*] удивительно воодушевлял их.

Чтобы влияние на учеников было действенным, Александра Алексеевна сближалась с крестьянскими ребятами, с их семьями, знакомилась с их бытом, «и свой досуг и свободу, и все свои силы и время все больше и больше с отрадой и удовлетворением» посвящала делу помощи им [*Штевен. Мои воспоминания, 176*].

Основной принцип воспитания в школе был: «живи честно!» [*Штевен. Мои воспоминания, 176*]. Мелкое воровство в классе, неправда в словах учеников никогда не проходили мимо внимания учителя. Александра Алексеевна разговаривала с ребятами, стыдила их, вызывала в них покаяние, «вопреки всем препятствиям» она хотела воспитать из своих учеников «юных джентльменов» [*Штевен. Мои воспоминания, 163*], приучала их к некоторым правилам общежития, элементарной гигиене: приходите в школу причесанными и умытыми. Не пить водку и не сквернословить было одним из условий учебы в ее школе.

Все церковные праздники А.А. Штевен проводила вместе с ребятами. В преддверии Страстной недели школьные уроки посвящались страданиям Христа¹⁴. С Великой среды до воскресенья она вместе с ребятами бывала в церкви на богослужениях. Ребята вместе исповедовались, вместе встречали Пасху. Вспоминая молитву во время пасхальной службы, Александра Алексеевна подчеркивала, что для нее было важно переживание единства со всеми верующими, когда «светлые искры христианской братской любви освещают густую тьму людского себялюбия и пустой суеты», что когда она христосовалась с ребятами, каждый становился «на минуту истинным моим братом или сестрой о Христе» [*Штевен. Мои воспоминания, 189*]. А.А. Штевен воспринимала

14. «Рассказываю ребятам о страданиях Христа и, право, если мои слова так действуют на них, на меня еще больше действует то напряженное, страстное, благоговейное внимание, с которым

они слушают эти мои рассказы. И если б они знали, что это они учат меня верить!» [*Штевен. Мои воспоминания, 186*].

себя и своих учеников членами единой церковной семьи. Она делила с крестьянскими детьми церковную жизнь и переживала родство с ними через Христа¹⁵.

Прошло какое-то время и воспитание Александры Алексеевны принесло свои первые плоды — ребята перестали употреблять грубые ругательства; «большинство перестало лгать, как прежде, почти без всякой надобности, а некоторые и совсем перестали; они перестали смеяться над стариками, перестали дразнить юродивых» [*Штевен. Из записок, 248*]. При этом она поняла, что мало просто привить добрые нравы ребятам, ведь окончив школу, они возвращались к своему крестьянскому неустроенному быту, в свою непросвещенную среду¹⁶. Зависимость от родственников и их дурное влияние часто подавляли открывшиеся за время обучения лучшие стороны характера ребят, притупляли их ум, волю и желание. Для изменения жизни крестьянских детей одной только школы недостаточно. Для дальнейшего общения и поддержки учеников необходимы церковная и культурная среда. Этот период заканчивается переходом домашней школы грамоты А. А. Штевен в систему начального народного образования МНП и присвоением ей статуса земской школы. Александра Алексеевна дает первоначальное образование почти 50 ученикам.

Второй этап педагогической деятельности А. А. Штевен, с 1889 по 1891 г., связан с развитием земской школы и устроением школьной системы.

Весной 1889 г. Александра Алексеевна начала переписку о различных сторонах организации школьного дела с талантливым педагогом, устроителем сельских школ С. А. Рачинским. Благодаря его поддержке скромные начинания ее школы обретают новые качества и более прочное устройство, которое помогало воздействовать «на бывших, уже взрослых ее питомцев» [*Письма Рачинского 1*], поддерживать их связь со школой через нужное, «постоянное дело, близкое к сердцу» [*Письма Рачинского 1*]. Этим делом становятся общество трезвости, церковный хор и учительские курсы.

Для искоренения пьянства по примеру С. А. Рачинского Александра Алексеевна устроила при школе общество трезвости. В него

15. Ее ученики отвечали ей взаимностью, любили и уважали ее. Она получала от них трогательные письма с благодарностью за ее учение: «Ты гоже учишь, за тебя Богу молиться должно. У тебя можно понимать хорошо. За это тебе Бог даст здоровья, ты нас не покидаешь, Закону Божию научаешь».

Письмо написал Афанасьев Андрей 9 февраля 1886 г. [*Штевен. Мои воспоминания, 182*].

16. А. А. Штевен писала, что «тут неизбежны разочарования; знаю, что на большинство людей среда всегда будет влиять сильнее, нежели школа...» [*Штевен. Из записок, 248*].

входили «посредством внутреннего обета, озаменованного служением молебна и целованием иконы» [Рагинский]. В письмах бывших яблонских учеников к А. А. Штевен есть свидетельства о том, что они продолжали вести трезвый образ жизни и старались повышать уровень самообразования¹⁷. В октябре 1889 г. в земской Яблонской школе начал свою деятельность церковный хор.

При школе открывались новые филиалы — школы грамоты, а также проходили дополнительные занятия по подготовке учителей для новых школ из ее бывших учеников¹⁸. В особом отделении были организованы занятия для подготовки учителей и продолжения образования ребят, окончивших курс начальной школы, которых Александра Алексеевна учила сама.

Таким образом, школа помогала ученикам (в том числе и бывшим), а также крестьянам села исправлять свою жизнь, общаться друг с другом и с А. А. Штевен, повышать свое образование, поддерживать любовь к чтению, интерес ко всему духовному, достойно проводить свой досуг. Яблонская земская школа постепенно возрастала в духовный и культурный центр села.

В школьном деле А. А. Штевен следовала своей «смелой» мечте — «завести дешевые школы по всему уезду» [Письма Рагинскому № 50, 108 об.]. Она считала, что лучше идти по пути увеличения числа простых и дешевых школ грамоты, чем «заводить лишь такое количество школ, какое возможно довести до совершенства». Штевен полагала, что если бы все население смогло воспользоваться обучением, то не было бы «рецидивизма безграмотности» [Письма Рагинскому № 82, 177 об.], учившиеся не терялись бы в массах не учившихся и не попадали под их влияние [Письма Рагинскому № 82, 177 об.]. Александра Алексеевна писала, что для нее школьное дело было «чистым делом любви», она не могла забыть, что крестьяне хотят и не могут научить «своих детей молитвам и чтению нескольких духовных книг» [Письма Рагинскому № 50, 111]. Такая их беспомощность казалась ей

17. «Всего же больше занимаюсь чтением. Здесь живут также Гриша и Кузя Глазовы, но я с ними мало знаком, они презирают меня за то, что я не пью вино и не бываю с ними в пьяных компаниях» [Черкасов]. «Особенно распутный разгул, как чума свирепствует среди рабочего народа. <...> Посмотришь и подумаешь: Боже милостивый, до чего дошел человек. <...> Вино не пью и держу себя крепко во всех случаях, скверными словами не ругаюсь» [Балуев].

18. Многие ее ученики, сдав экзамены, продолжали посещать Яблонскую школу. Для самых способных юношей и девушек вскоре нашлось дело — учительство в новых школах грамоты. Для решения задачи подготовки учителей для вновь открывающихся школ с 1889 г. Штевен устроила при Яблонской школе краткосрочные учительские занятия. Учеба продолжалась шесть недель весной и один месяц осенью, в то время, когда школы грамоты не действовали (См.: [Штевен. Из записок, 249]).

«почти столь же ужасной, как если бы они желали и не могли дать своим детям куска хлеба» [*Письма Рачинскому № 50, 111*].

В процессе исследования педагогической деятельности А. А. Штевен выявились такие православно-христианские принципы ее педагогической системы:

- *Христоцентричность*. Она проявлялась в личной вере Александры Алексеевны во Христа и в следовании Его заповеди о любви к Богу и человеку. Опыт личной веры, которую она стремилась передать ученикам, давал ей силы надеяться на возрождение крестьянского народа и бескорыстно служить ему.
- *Историчность*. А. А. Штевен полагала, что с начальной школы важно развивать в учащихся историческое сознание, без которого невозможно формирование христианского мировоззрения.
- *Церковность*. Педагогическая система А. А. Штевен предполагала единство жизни школы и церковной жизни учителя и учеников. Александра Алексеевна стремилась к тому, чтобы ее школа имела в себе качества церковного, братского родства, хотя и не смогла вполне воплотить это в практике жизни¹⁹.
- *Целостность*. Александра Алексеевна считала, что школа призвана влиять на все стороны жизни человека и помочь крестьянским детям и молодежи побороть пороки, закрепить полученное образование и сформировать культурную среду²⁰.

Третий этап педагогической деятельности А. А. Штевен (с 1891 по 1895 г.) начинается с получения школами грамоты нового статуса. Положение о начальном народном образовании, ответственность за которое с 1884 г. делили два ведомства: МНП и Св. синод, в 1891 г. дополнилось новыми правилами о школах грамоты, которые окончательно узаконили их положение, введя систему ЦПШ под контроль Св. синода²¹.

К осени 1892 г. количество школ грамоты, основанных А. А. Штевен, возросло до тринадцати. Александре Алексеевне уже не хва-

19. О намерениях А. А. Штевен устроить школьное общежитие мы можем понять из переписки с С. А. Рачинским и из его ответа: «Жить Вам, как я, с крестьянскими мальчиками — невысказанно. Скорее могли бы Вы приблизить к себе школу женскую, конечно, не живя в ней, а поселив в ней надежного адъютанта-женщину, и постоянно следя за всеми подробностями дела...» [*Письма Рачинского 2*].

20. В сентябре 1891 г. А. А. Штевен писала С. А. Рачинскому: «Занявшись школой, мы невольно займемся, насколько можем, всей народной жизнью. Для меня лично, разумеется, участие

в народной жизни вне школы пока только мечта» [*Письма Рачинскому № 34, 75 об.*]

21. 4 мая 1891 г. вышли правила о школах грамоты, во втором параграфе которых было сказано, что «все школы грамоты, как существующие уже, так и вновь открываемые, подлежат исключительно ведению и наблюдению духовного начальства», а попечение о них и руководство ими «возлагается на местных священников, или на те лица, кои будут назначены для сего епархиальным архиереем» [*Пругавин, 374*].

тало сил и внимания, чтобы исполнять все свои обязанности качественно. Иногда ей приходилось проводить в школе по 12 часов в день. Регулярно в любую погоду она объезжала все школы грамоты, чтобы побывать в каждой 1 раз в 2 недели. Перед ней неизбежно вставал вопрос, как продолжать свое школьное дело дальше, учитывая, что без внешней помощи оно уже не могло развиваться.

В начале 1893 г. школьная деятельность А. А. Штевен стала известна в педагогических кругах и ее пригласили в Московский комитет грамотности, где она познакомилась с «передовыми просвещенными общественными деятелями» [*Штевен. Воспоминания*, 220], обещавшими ей свою поддержку: Д. И. Шаховским²², В. П. Вахтеровым²³ и другими.

Весной 1893 г. Ф. Н. Плевако²⁴, с которым она познакомилась в Арзамасе, рассказал о ее школах грамоты обер-прокурору Св. синода К. П. Победоносцеву. В дальнейшем Александра Алексеевна вела с ним переписку и несколько раз встречалась лично. В конце этого же года она познакомилась с Л. Н. Толстым и стала переписываться с Н. Н. Неплюевым²⁵.

В январе 1894 г. доклад А. А. Штевен «История одной школы», прочитанный ею в Московском комитете грамотности 11 января 1894 г., благодаря полной еще тогда ее «аполитичности» [*Штевен. Воспоминания*, 228], был одновременно напечатан в виде отдельной брошюры и К. П. Победоносцевым, и редакцией «Русского Богатства» [*Штевен. Воспоминания*, 228]. В докладе она обращалась за помощью и советом к русскому обществу [*Штевен. Из записок*, 245]. Так ее школьное дело прославилось по всей России. Она получила множество писем, откликов и поддержку, благодаря которой число школ грамоты выросло до пятидесяти²⁶.

22. Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) — князь, российский общественный и политический деятель. Министр государственного призрения Временного правительства (1917). Арестован в 1938 г. Расстрелян в 1939 г. на полигоне «Коммунарка».

23. Вахтеров Василий Порфирьевич (1853–1924) — российский педагог, ученый, деятель народного образования, сторонник демократизации народного образования, методист начальной школы. Боролся за свободу школы от «клерикальных покушений», от «влияния духовенства и канцелярии Синода».

24. Плевако Федор Никифорович (1842–1908) — адвокат, юрист, судебный оратор, действительный статский советник.

25. Особую ценность представляют три письма Н. Н. Неплюева к А. А. Штевен, найденные в архиве А. А. Штевен-Ершовой. Письма устроителя крестьянских сельскохозяйственных школ и трудового православного братства написаны в 1894–1896 гг. Они подтверждают личное знакомство Штевен с Неплюевым, дают представление об отношении Неплюева к тем проблемам, с которыми столкнулась Александра Алексеевна в своей педагогической деятельности. Хранятся в архиве Культурно-просветительского центра «Преображение».

26. Благодаря денежной поддержке со стороны Нижегородского губернского земства и уездных земств Княгининского и Лукояновского А. А. Штевен открывает еще 20 новых школ грамоты. Представители местного образованного общества взяли

Тогда же Александра Алексеевна была избрана почетным членом Братства Св. Георгия²⁷, а в мае того же года по представлению епархиального училищного совета награждена Библией за рвание в «наставлении детей в вере и благочестии по учению Св. Православной Церкви» [*Штевен. Из записок, 335*].

Таким образом, педагогическая деятельность А. А. Штевен была высоко оценена, ее школьное дело получило признание, нашло поддержку у государственных лиц, в обществе и в педагогических кругах и имело хорошие перспективы для развития в будущем. Но, несмотря на это, через год оно прекратилось в силу столкновения сложившейся системы народного образования с авторской педагогической системой Александры Алексеевны. Официальная система начального народного образования, находившаяся под бюрократическим контролем, не могла не прийти в противоречие с педагогической деятельностью, построенной на началах свободы, самостоятельности и творческой инициативы²⁸. К разрушению этой школьной системы приводила также характерная для 1890-х годов ситуация одновременной ответственности за начальные школы сразу двух ведомств — МНП и Св. синода. А. А. Штевен объявила созданную ею школу земской, а школы грамоты ее филиалами, однако не нашла взаимопонимания с епархиальными

многие из этих школ под свое покровительство и на свое попечение. Частные пожертвования она передает крестьянам для постройки ими помещений для новых земских школ в пяти селах двух уездов. На пожертвования частных лиц и помощь Московского комитета грамотности открываются сельские библиотеки в четырех селах трех уездов, а Петербургский комитет грамотности открывает библиотеку в с. Яблонка. Также нашлись люди и средства для устройства в 1894 г. в с. Яблонке летних занятий в течение пяти месяцев для учителей грамотности и других окончивших курс начальной школы учеников (См.: [*Штевен. Из записок, 242*]).

27. Братство св. блгв. вел. кн. Георгия Всеволодовича и Епархиальный училищный Совет при нем. Учреждены еп. Нижегородским Макарием (Миролюбовым) 4 февраля 1884 г. Цель — развитие народного образования в епархии на началах православной веры. 19 февраля 1886 г. проект устава Братства был изменен и составлен новый, согласно высочайше утвержденным 13 июня 1884 г. правилам о церковно-приходских школах. Новой редакцией устава братства намечена была одна цель — поддержание существующих и открытие новых церковно-приходских школ в епархии. Все без исключения священники епархии были

членами братства. Братство управлялось Советом, назначенным архиереем. Непременным членом Совета являлся и директор народных училищ губернии (См.: [*Братства Нижегородской епархии*]).

28. Конфликтные отношения Штевен с существующей системой начального народного образования начались практически сразу же с момента вхождения ее школы в официальную структуру МНП. Начиная с 1891 г. в переписке А. А. Штевен с С. А. Рачинским значительная часть писем посвящалась обсуждению проблем, возникших в ее отношениях со священником, местным благочинным и земским начальником. А. А. Штевен жаловалась С. А. Рачинскому на пьянство священника, прикрепленного к одной из ее школ грамоты и на его «бессовестное отношение к обществу трезвости». С местным благочинным у А. А. Штевен отношения также не сложились, так как она «имела несчастье навлечь на себя его негодование» тем, что не согласилась объявить Яблонскую школу «церковно-приходской и объявила ее земской». С «союзником» благочинного земским начальником А. А. Штевен «нередко вступала в словесные препирательства», так как она не могла «не назвать черного черным», чем вызывала к себе недоброжелательное отношение (См.: [*Письма Рачинскому № 13, 22–23 об.*]).

начальством, благочинным, местными священниками, формально призванными оказывать помощь школьному делу, но лично в этом не заинтересованными. Полная передача школ грамоты А. А. Штевен под контроль духовного ведомства обострила ее конфликт с недоброжелателями и добавила новые препятствия на пути распространения школьного дела²⁹.

Поиск выхода из сложившейся ситуации вынудил Александру Алексеевну открыто критиковать систему ЦПШ. В мартовской книжке журнала «Вестник Европы» за 1895 г. была опубликована ее статья «По поводу школ грамоты», где, с одной стороны, подробно описана история противодействия священников открытию школ грамоты, с другой, показано преимущество земской школы, находившейся под общественным контролем. Сделав вывод, что земские школы «несравненно лучше церковно-приходских», Александра Алексеевна предлагала принять законодательные меры по передаче школ грамоты под надзор и контроль земств.

Эта публикация спровоцировала и дала повод³⁰ Нижегородскому епархиальному училищному совету при Братстве св. Георгия запретить педагогическую деятельность А. А. Штевен в школах грамоты³¹. В мае 1895 г. школы грамоты были полностью переданы под контроль духовенства. Яблонская земская школа продолжила свое существование.

Этот пример характерен для истории отношений между церковью и интеллигенцией. А. А. Штевен, человеку из образованного сословия, пытавшейся обрести христианские основания своей деятельности, пришлось столкнуться с представителями синодальной и епархиальной власти, в конечном итоге, с синодальной системой в целом, что привело к гибели живого дела.

В 1896 г. Александра Алексеевна вышла замуж за М. П. Ершова и уехала в Тульскую губернию. Она продолжала следить за рабо-

29. В мае 1892 г. 16 мальчиков из двух школ грамоты А. А. Штевен первый раз сдавали экзамен по программе церковно-приходских школ. Экзамен прошел хорошо: «Двое учеников получили полные баллы; еще семеро получили в среднем 5, а остальные семеро 4». Но, как писала Штевен Рачинскому, удачный экзамен ни земского начальника, ни благочинного ни в чем не убедил: «Между прочим, кто-то (говорят — увы! что это наш священник) пишет на меня данные, обвиняя в антиправославном направлении!» [*Письма Рачинскому № 5, 9–10*].

30. В. Г. Короленко писал о ситуации вокруг школ грамоты А. А. Штевен следующее: «Как человек

искренний не скрывает своих взглядов на школы земские и церковно-приходские от самого Победоносцева. Начался разлад и, как только слухи об этом дошли сюда, — вся свора доносчиков кинулась на скромное дело грамоты в арзамасском, лукояновском и княгининских уездах с удвоенным рвением. Начинается какая-то бессмысленная и безобразная травля» [*Короленко*].

31. Выписка из определения Нижегородского епархиального училищного совета при Братстве св. Георгия от 15 мая 1895 г. (см. в: [*Штевен. Из записок, 331*]).

той Яблонской школы, оставалась ее попечительницей, вела переписку со своими бывшими учениками, с деятелями начальной народной школы.

В последующие годы жизни она нашла применение своему педагогическому таланту в воспитании семерых детей³², продолжала интересоваться педагогическими новшествами и вопросами общественного устройства, а после революции осознала необходимость новой христианизации³³ общества.

Педагогический опыт А. А. Штевен-Ершовой, формы и принципы ее образовательно-воспитательной деятельности несомненно представляют интерес и для современной христианской педагогики и могут быть широко использованы в деле христианского воспитания и образования детей и молодежи.

Источники и литература

1. *Балуев* = Балуев И. Письмо к А. А. Штевен от 15 июля 1897 г. Личный архив Агаповой И. А. 1 с.
2. *Братства Нижегородской епархии* = Братства Нижегородской епархии. URL: <http://www.gorbibl.nnov.ru/bratstva> (дата обращения: 23.01.2016).
3. *Григорьев* = Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М. : Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1910. 584 с.
4. *Егоров* = Егоров Иоанн, прот. Православие и жизнь в нем. Пг., 1918. 198 с.
5. *Ершова-Штевен. Мои мысли* = Ершова-Штевен А. А. Мои мысли о вере (1929–1931). Архив КПЦ «Преображение». Ф. А. А. Штевен-Ершовой. 4 с.
6. *Каптерев* = Каптерев П. Ф. История русской педагогики. Пг. : Тип. В. Безобразов и К°, 1915. 746 с.
7. *Короленко* = Короленко В. Г. Дневник, 1895–1898. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1898_dnevnik.shtml (дата обращения: 19.01.2016).

32. Дети М. Д. и А. А. Ершовых: Мария (1898–1990), Дмитрий (1900–1927), Алексей (1901–1920), Василий (1905–1975), Ольга (1907–1996), близнецы Петр (1910–1994) и Павел (1910–1919).

33. В неопубликованной записке «О некотором делании», датированной августом 1929 г., А. А. Ершова (Штевен) пишет: «Могут миновать гонения, — и проповедь, поучение должны будут широко развиться и принять иные формы, чтобы действовать не на избранных только, а на все великое множество людей, теперь отпавших, равнодушных

и даже враждебных вере и церкви. <...> Нужны, очевидно, новые формы и способы организации их религиозной жизни и деятельности. <...> ...Работа эта очень нужна будет для просвещения громадного большинства, для людей инертных и равнодушных, колеблющихся и малодушных, для людей, которые ведь могут войти и должны войти, и в благоприятные времена входили во множестве в ограду стада Христова, чтобы жить Христовой истиной и жить по-христиански...» [*Ершова-Штевен. Мои мысли*].

8. *Корф* = Корф Н. А. Наши педагогические вопросы. М. : Издание «Сотрудник школ» А. К. Залесской, 1882. 409 с.
9. *Петерсон* = Петерсон Н. Л. Просвещение : Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. 220 с.
10. *Письма Неплюева* = Письма Н. Н. Неплюева к А. А. Штевен 1894–1896 гг. 3 письма. Архив КПЦ «Преображение». 26 с.
11. *Письма Рачинского 1* = Письмо № 1 от 30 августа 1889 г. // Письма С. А. Рачинского к А. А. Штевен 1889–1895 гг. 26 писем. Архив КПЦ «Преображение», машинописная копия из личного архива Н. В. Левицкой, внучки Штевен. 3 с.
12. *Письма Рачинского 2* = Письмо № 2 от 7 ноября 1889 г. // Письма С. А. Рачинского к А. А. Штевен 1889–1895 гг. 26 писем. Архив КПЦ «Преображение», машинописная копия из личного архива Н. В. Левицкой, внучки Штевен. 1 с.
13. *Письма Рачинскому № 5* = Письма С. А. Рачинскому. РО РНБ. Ф. 631 : Рачинский С. А. № 5. Л. 8–11 об.
14. *Письма Рачинскому № 13* = Письма С. А. Рачинскому. РО РНБ. Ф. 631 : Рачинский С. А. № 13. Л. 22–25 об.
15. *Письма Рачинскому № 34* = Письма С. А. Рачинскому. РО РНБ. Ф. 631 : Рачинский С. А. № 34. Л. 75–78 об.
16. *Письма Рачинскому № 50* = Письма С. А. Рачинскому. РО РНБ. Ф. 631 : Рачинский С. А. № 50. Л. 107–109 об.
17. *Письма Рачинскому № 82* = Письма С. А. Рачинскому. РО РНБ. Ф. 631 : Рачинский С. А. № 82. Л. 176–178 об.
18. *Пругавин* = Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб. : Издание О. Н. Поповой, 1898. 785 с.
19. *Рачинский* = Рачинский С. А. Открытое письмо. URL: <http://nepsis.ru/zavisimosti/alkogolizm/266-sa-rachinskij-otkrytoe-pismo.html> (дата обращения: 10.06.2014).
20. *Рубакин* = Рубакин Н. А. Грамотность // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/32017/ (дата обращения: 09.06.2014).
21. *Ушинский* = Ушинский К. Д. О необходимости сделать русские школы русскими. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/90.html> (дата обращения: 10.06.2014).
22. *Фальборк, Чарнолуцкий* = Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В. И. Начальное народное образование. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/71355 (дата обращения: 09.06.2014).
23. *Фудель* = Фудель С. И. Воспоминания. М. : Русский путь, 2012. 208 с.

24. *Черкасов* = Черкасов Н. Письмо к А. А. Штевен от 18 августа 1897 г. Личный архив Агаповой И. А. 1 с.
25. *Чехов* = Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М. : «Польза». В. Антик и К^о, 1912. 224 с.; ил., портр., табл.
26. *Штевен. Воспоминания* = Штевен А. А. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Толстовский ежегодник–2003. Тула : Дизайн-Коллегия, 2006. С. 373–391.
27. *Штевен. Из записок* = Штевен А. А. (Ершова). Из записок сельской учительницы // Литературно-мемуарная проза. Арзамас — Саров : АГПИ, 2008. С. 241–340.
28. *Штевен. История* = Штевен А. А. История одной школы. СПб. : С.-Пет. синод. тип. 1894. 30 с.
29. *Штевен. Мои воспоминания* = Штевен А. А. (Ершова). Мои воспоминания // Литературно-мемуарная проза. Арзамас — Саров : АГПИ, 2008. С. 53–216.
30. *Штевен. О преподавании* = Штевен А. А. (Ершова). О преподавании Закона Божия в школе // Литературно-мемуарная проза. Арзамас — Саров : АГПИ, 2008. С. 389–396.

O. V. Sinitsyna

History and Christian Orthodox Bases in A. A. Shteven-Ershova's Educational Activity (1885–1895)

A. A. Shteven's work on opening schools of literacy in the late XIX century was known throughout Russia. Compared with the formal education system, her distinctive pedagogical framework evolved independently allowing finding new approaches, principles and forms of educational activities which are of interest for today's Christian pedagogy. The article describes three stages of A. Shteven's pedagogical activity and her efforts in opening schools of literacy. The Christian Orthodox principles of her pedagogical system are also outlined.

KEYWORDS: Christian Orthodox education, Christian pedagogy, schools of literacy, primary education, enlightenment, Alexandra Alexeyevna Shteven-Ershova.